

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА А. И. СМЕРНИЦКОГО

1 июня 1954 г. лингвистическая секция Ученого совета филологического факультета Московского государственного университета посвятила специальное заседание памяти скончавшегося 22 апреля 1954 г. проф. А. И. Смирницкого. На этом заседании товарищи покойного ученого и его ученики рассказали собравшимся о многогранности личности А. И. Смирницкого, глубине его исследовательского метода и богатстве тематики его научных работ.

Всего было заслушано девять докладов.

С. Б. Бернштейн, отметив широту научных интересов А. И. Смирницкого (вопросы фонологии, проблемы морфологического членения основ и слов, задачи истории языка, разграничение синхронии и диахронии и мн. др.), остановился специально на взглядах А. И. Смирницкого, касающихся сравнительно-исторического метода и его применения. А. И. Смирницкий, сказал докладчик, всегда настаивал на том, что изложение дописанного периода истории любой группы родственных языков должно опираться на данные сравнительно-исторического языкознания. Он считал, что основной задачей сравнительно-исторического метода в языкознании является реконструкция не зафиксированных письменностью языковых фактов доисторического прошлого путем планомерного сравнения двух или более родственных языков более позднего периода. С. Б. Бернштейн подчеркнул, что это положение А. И. Смирницкого не вызывает сомнения. «Тот факт, что сравнительно-исторический метод, — писал А. И. Смирницкий, — есть метод восстановления, никак еще не означает, что восстановление прошлых языковых фактов является самоцелью, как это нередко представлялось языкознанию середины XIX в., а отчасти и более позднему. На самом деле роль лингвистического восстановления совершенно пуста: оно выступает не как самостоятельная цель, а как средство, как необходимое условие для объяснения наблюдаемых отношений между языками и различных явлений в самих данных языках»¹.

Известно, что сопоставление родственных морфем — душа сравнительного метода, но обычно в определении принципов сравнительно-исторического метода этот тезис отсутствовал. Между тем А. И. Смирницкий прямо указывал, что когда речь идет в плане применения сравнительно-исторического метода, имеется в виду морфема². Вопросы реконструкции синтаксиса не могут быть решены с помощью тех же приемов, которые применяются к реконструкции родственных морфем. Поэтому перед специалистами по синтаксису стоит задача выработки методов сравнения синтаксических явлений, отличных от принципа сравнения морфем. Отмечая немотивированность связи между звучанием и значением слова, А. И. Смирницкий писал: «Ведь именно благодаря немотивированности этой связи совпадение известного звукового сходства, вернее, звукового подобия, данных разноязычных единиц с одинаковостью или близостью их значений может служить серьезным указанием на генетическое тождество этих единиц, на реально общее их происхождение»³. А. И. Смирницкий отмечал, что в синтаксисе, наоборот, большую роль играет принцип мотивированности, вследствие чего всякая реконструкция в этой области гораздо гипотетичнее, нежели в области фонетики и морфологии. По его мнению, понятие языка как системы медленно проникает в сравнительно-исторические исследования. В частности, перед специалистами по сравнительной грамматике стоит трудная задача применения фонологического метода изучения истории древнейших периодов языка. А. И. Смирницкий неоднократно высказывал также пожелание, чтобы при сравнительно-историческом

¹ А. И. Смирницкий, Сравнительно-исторический метод и определение языкового родства (печатается).

² См. там же.

³ А. И. Смирницкий, К вопросу о сравнительно-историческом методе в языкознании, «Вопросы языкознания», 1952, № 4, стр. 8.

изучении языков применялись новые методы, укрепившиеся уже в описательных грамматиках.

С. Б. Бернштейн в своем докладе указал вместе с тем на свое несогласие с мнением А. И. Смирницкого о необходимости разграничения внешней и внутренней реконструкции и применения фоно-морфологического анализа, который наличествует и при сопоставительном изучении неродственных языков.

В. В. Пассек посвятил свое выступление теме объективности существования языка и проблеме языка и речи в трудах А. И. Смирницкого. Докладчик перечислил важнейшие труды А. И. Смирницкого, в которых освещены вопросы слова, его морфологического анализа, звуковой оболочки слов, соотношения лексического и грамматического в слове, отношения слова и понятия. Центральной проблемой, объединяющей все вопросы, интересовавшие А. И. Смирницкого, была проблема объективности существования языка. С этим связано и его понимание языка и речи. Следует отметить, что А. И. Смирницкий считал предложение единицей речи, тогда как слово выступает в качестве основной единицы языка. На вопрос: где и как существует язык? — А. И. Смирницкий отвечал: «в речи». Внешняя сторона языка, говорил он, представлена звучанием, которое следует четко отграничивать от «звуковых образов», как отражения реальных звучаний в мозгу, т. е. от знания этих звучаний. Внутренняя же сторона языка, образуемая значением его единиц, совпадает со знанием значений. Соединение звучания со значением не есть простая «ассоциация», как утверждал де Соссюр. Звучание играет важную роль в образовании самих значений (конечно, на основе непосредственного соприкосновения с действительностью и отражения ее). Коллектив через звучание передает опыт многих поколений индивиду; поэтому значение оказывается не индивидуальным, а общественным явлением.

Язык, по мысли А. И. Смирницкого, не только произносит речь, но и пытается речью. Существование каждой единицы языка было определено А. И. Смирницким как регулярное ее воспроизведение в общественном масштабе. Отсюда следует и решение проблемы соотношения синхронии и диахронии. У зарубежных лингвистов, начиная с де Соссюра, эти два явления были оторваны друг от друга. А. И. Смирницкий требовал строгого разграничения синхронии и диахронии. В статье «По поводу конверсии в английском языке» (1954) А. И. Смирницкий на анализе морфологического строения слова *зонтик* показывает, как не совпадает то, «что было», и то, «что стало». Но и для синхронии элемент времени не может быть исключен. Всякое синхроническое изучение языка должно быть историческим. По мысли А. И. Смирницкого, язык не следует смешивать с речью (как это делают многие языковеды, не удовлетворенные решением этого вопроса у де Соссюра). А. И. Смирницкий вскрыл ошибку де Соссюра, оторвавшего язык от материальности и допускавшего последнюю только в речи. То, что де Соссюр называет «языком», на самом деле только знание языка, а не сам язык. Язык — это органическое соединение звучания и значения.

Н. С. Поспелов посвятил свой доклад учению А. И. Смирницкого о слове как «центральной, узловой единице» языка, где «...сплетаются, перекрещиваются и взаимодействуют лексические и грамматические моменты»⁴. Все прочие единицы языка (морфемы, фразеологические единицы, грамматические построения и т. п.) так или иначе обусловлены наличием слов и предполагают существование такой единицы, как слово. По сравнению с морфемой слово отличается своей более свободной выделяемостью, что обусловлено определенной его оформленностью и законченностью. Слова с грамматической точки зрения характеризуются не только своей заменяемостью (с учетом нулевых окончаний), но и закономерностями соединения с другими словами, т. е. грамматической сочетаемостью. Между словом и морфемой — принципиальное различие, которое не понимают американские структуралисты (Блумфилд, Харрис и др.). «Даже в одноморфемном слове морфема выступает не сама по себе, а как единица, входящая в состав слова»⁵, — писал А. И. Смирницкий.

Много внимания уделил А. И. Смирницкий вопросу о разграничении слова и словосочетания. Основной признак слова (даже сложного слова) — это цельнооформленность, чем не обладает словосочетание, которое может выражать одно понятие и быть идиоматичным. Кроме понятия цельнооформленности (и раздельнооформленности) А. И. Смирницкий вводил и некоторые другие грамматические понятия, как, например, словформа, разумея под этим не просто грамматическую форму, но определенное слово в определенной грамматической форме. Таким образом, грамматическая форма в концепции А. И. Смирницкого получила максимально абстрактный характер. Расходясь со школой Фортунатова, А. И. Смирницкий утверждал, что «...отсутствие какой-либо грамматической формы у слова совсем не означает, что данное слово яв-

⁴ А. И. Смирницкий, К вопросу о слове. (Проблема «отдельности слова»), сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., 1952, стр. 182.

⁵ А. И. Смирницкий, Лексическое и грамматическое в слове, сб. «Вопросы грамматического строя» (готовится к печати).

ляется грамматически не оформленным». «Так, например, неизменяемость наречия *дома* грамматически отличает его, как законченное целое слово определенного класса, от изменяемого слова другого класса: *дом, дома, дому...* и тем самым грамматически его оформляет»⁶. Поэтому определение грамматической оформленности должно учитывать не только изменяемость слова, но и его грамматическую сочетаемость с другими словами. Так, грамматически различаемы неизменяемые слова в русском языке *вопреки* и *таки* (*поступить вопреки распоряжениям, но рубашка цвета таки*).

Таким образом, изменяемость слова и его сочетаемость имеют нечто единое в своем источнике, потому что в грамматических явлениях выражаются при помощи изменений и сочетаний слов мысли об отношениях между предметами, свойствами, явлениями действительности. При этом следует различать внутреннюю сторону грамматических явлений — смысловое выражение различных отношений и внешнюю — средство выражения этих отношений в изменениях и сочетаниях слов.

Исходя из этого А. И. Смирницкий считал, что различие единственного и множественного числа существительных — не лексическое, а грамматическое; на этом же основании такие пары «слов», как *рельс* — *рельса, санаторий* — *санатория*, А. И. Смирницкий считал лишь вариантами того же слова, а не разными словами. Особое внимание уделял А. И. Смирницкий парадигматической схеме: «Парадигматическая схема характеризует обычно грамматическое изменение некоторого большего или меньшего числа слов и, таким образом, объединяет их в известную грамматическую группу»⁷. В связи с этим и части речи, в понимании А. И. Смирницкого, выступают как класс слов, который характеризуется определенной парадигматической схемой вместе с определенной грамматической сочетаемостью.

Особо привлекало внимание А. И. Смирницкого разграничение лексического и грамматического в слове. Так, в словоформе *скамейка* лексическими морфемами он считал корневую *скамей-* и суффиксальную *-к-*, выделяя морфему *-а* как грамматическую. Понятие лексико-грамматического А. И. Смирницкий рассматривал не как нечто среднее между лексическим и грамматическим, а как взаимодействие лексического и грамматического. Например, категория рода у русских прилагательных выступает как категория чисто грамматическая, а у существительных — как лексико-грамматическая. В заключении своей статьи «Лексическое и грамматическое в слове» А. И. Смирницкий отмечает: «...нельзя пренебрегать словообразующей ролью грамматического строя»⁸. Таким образом, грамматика и лексикология оказываются теснейшим образом связанными, что приводит к итоговому положению: «...слово есть основная единица языка вообще — и в области словарного состава, и в области грамматического строя»⁹.

А. А. Реформатский посвятил свой доклад вопросу о роли парадигмы в грамматических воззрениях А. И. Смирницкого. С этой общей проблемой связаны вопросы морфологического членения слов, прямого и обратного словообразования, конверсии, омонимии и ряд других.

В 1946 г. Г. О. Винокур написал статью о морфологическом членении слова. Эта статья вызвала большие споры, участником которых был и А. И. Смирницкий; в результате он сам опубликовал статью на эту тему — «Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ» («Доклады и сообщения филолог. фак-та МГУ», 1948, вып. V). Выводы А. И. Смирницкого имеют самостоятельное значение. Не отрицая различия связанных и несвязанных основ (*буженина* и *конина*), А. И. Смирницкий показал, что и в случае связанной основы, если вычленивается формант *-ина*, «остаток» (*бужень*) тоже является не бессмысленным набором звуков, а элементом слова, к которому присоединен аффикс; следовательно, *бужень* — тоже морфема; аналогичное явление находим в таких случаях, как *библиотека* (ср. *картотека* и др.). В указанной статье А. И. Смирницкий писал: «...предложенный выше анализ слов (типа *малина* и т. п.) отнюдь не противоречит определению производных основ, принятому Г. О. Винокуром, но лишь расширяет и обобщает содержание этого определения». Подобное истолкование основано на действии парадигмы, понимаемой расширенно. Парадигму А. И. Смирницкий понимал отнюдь не как скучную таблицу, которую надо вызубрить в учебнике какого-либо языка, а как один из главных рычагов системности языка, так как без понятия парадигмы нельзя обосновать системность языка.

Очень большой интерес для проблемы парадигмы представляет статья А. И. Смирницкого «Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке» («Иностр. языки в школе», 1953, № 5), где теоретически проанализирован очень актуальный вопрос о «переходности частей речи», что волнует не только англофилов, но и тюркологов, и финно-угроведов, и многих других. Единства мнений по данному вопросу

⁶ А. И. Смирницкий, Лексическое и грамматическое в слове, сб. «Вопросы грамматического строя».

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

нет. А. И. Смирницкий начинает свой анализ с рассмотрения практики словарей, где обычно «омонимичные» существительные и глаголы даются под одной вокабулой; правда, это делается не по принципиальным, а по чисто техническим соображениям — так получается экононее. Но у многих составителей словарей бывает и теоретическое обоснование, что это — «то же слово», но в другой синтаксической роли. Против такого взгляда и направлена статья А. И. Смирницкого. Если брать слово не как изолированный кусок, а как совокупность форм (словоформ), например: *(the) love* «любовь» и *(to) love* «любить», то различие парадигм не позволяет отождествлять эти два факта в одном слове.

Совершенно по-новому пересмотрел А. И. Смирницкий и вопрос о различении синхронии и диахронии, что опять-таки связано с системностью языка и парадигматической формой слов. А. И. Смирницкий всячески предупреждал о недопустимости смешения существующего и того, из чего оно получилось, настоящего и прошлого, что он называл анахронизмом в особом терминологическом смысле. Проблема синхронии и диахронии в еще более развернутом виде изложена в посмертно опубликованной статье А. И. Смирницкого «По поводу конверсии в английском языке» («Иностр. языки в школе», 1954, № 3).

Термин «парадигма» после анализов А. И. Смирницкого нуждается в более широком понимании, когда наряду с простейшими словоизменительными совокупностями форм будут привлечены и словообразовательные группировки слов, не имеющие, правда, той степени обязательности, которая есть в парадигме склонения или спряжения, но замыкающие лексический материал в расчлененную часть грамматического строя. Тем самым через парадигму и парадигматическую форму можно реально показать системность языка. С проблемой парадигмы связано понимание и омонимии, и полисемии, и деривации, не говоря уже о конверсии. Практически в разрешении этих вопросов заинтересованы прежде всего составители словарей.

Р. С. Г и н а б у р г посвятила свое выступление работам А. И. Смирницкого в области англистики.

А. И. Смирницкий в годы господства «нового учения» о языке выдвинул свое понимание периодизации истории английского языка, основанное на анализе чисто языковых данных. Особое внимание он уделял фонологии, посвятив этому специальную работу «Вопросы фонологии в истории английского языка» («Вестник Моск. ун-та», 1946, № 2), в которой по-новому осветил вопрос о безударном вокализме в древнеанглийском языке, а также ассимилятивные явления «преломления» и «перегласовки». Много нового внес А. И. Смирницкий и в понимание морфологических изменений английских имен и глаголов. А. И. Смирницкий держался того мнения, что, несмотря на многие скрещивания, английский язык остался германским. Он отрицал особый «американский язык», признавая его лишь вариантом общенародного английского языка.

Очень важно понимание А. И. Смирницким предлогов и наречий в английском языке как соотношения полвозначности и служебности, не нарушающей тождества слова. На материале английского языка А. И. Смирницкий исследовал отличие аналитических форм от словосочетаний и дал описание системы глагола в его предикативных и непредикативных формах. Работая над разграничением сложных слов и словосочетаний, А. И. Смирницкий выдвинул понятие цельнооформленности слова.

И. Г. В а с и л ь е в а сообщила о трудах А. И. Смирницкого по скандинавистике. Его первая печатная работа в этой области — «Вопрос о происхождении рун и о значении праскандинавских надписей как памятников языка» («Ученые записки [Инт-а языка и лит-ры РАНИОН], М., 1931). В 1939 г. им была опубликована статья «Шведские рунические надписи эпохи викингов» («Труды Моск. ин-та истории, философии и лит-ры», т. V) и в 1947 г. — статья «К вопросу о языке старших северных рунических надписей» («Вестник Моск. ун-та», 1947, № 8). В этих исследованиях, дав тонкую критику работ зарубежных рунологов, А. И. Смирницкий изложил историю изучения рунических надписей, вопрос о происхождении рунического письма, о соотношениях старшего и младшего рунических рядов, эволюцию рунической письменности — как в целом, так и применительно к отдельным знакам.

Кроме рунологии, А. И. Смирницкий занимался древнескандинавским языком и написал работу, посвященную фонетике этого языка. Ему принадлежит также комментированный перевод нескольких песен «Саги о Фригтофе» («Хрестоматия по западноевропейской литературе. Литература средних веков», сост. Р. О. Шор, М., 1938). Вопросам скандинавистики посвящены, кроме того, многие страницы в общегерманистических работах А. И. Смирницкого и ряд статей о древних и новых скандинавских языках в первом издании БСЭ.

В. П. М у р а т о в осветил интересы А. И. Смирницкого в области изучения русского языка, который он привлекал и при сравнительно-историческом и при сравнительно-сопоставительном исследовании языков. Видное место русский язык занимал в прочитанных А. И. Смирницким курсах сравнительной грамматики индоевропейских языков и сравнительной грамматики русского, латинского и германских языков. Ответом на практические запросы в области русского языка был учебник русского

языка для англичан, написанный А. И. Смирницким в соавторстве с П. П. Свешниковым («Russian textbook», М., 1935; новое издание этого учебника подготовлено к печати). Учебник этот методически составлен безукоризненно, снабжен схемами и диаграммами, которые так изобретательно умел делать А. И. Смирницкий; простота изложения сочетается в нем со строгой научностью.

В области русской грамматики особенно внимательно изучал А. И. Смирницкий виды глагола, начав с сопоставления английских видовых оттенков с русскими видами и закончив специальным исследованием об отношении видов русского глагола к лексике и грамматике. В своих исследованиях А. И. Смирницкий боролся против догматического схематизма, проявляющегося, в частности, в работах западноевропейских и американских структуралистов. Основной формой полного глагола в русском языке А. И. Смирницкий считал инфинитив несовершенного вида, как более отвлеченный и не ограниченный дополнительным значением, представленным в инфинитиве совершенного вида. Наконец, одинаковым вкладом и в русистику, и в англистику является русско-английский словарь (1-е изд. — 1948, 2-е изд. — 1952). Особое внимание в этом словаре уделено фонетической и грамматической характеристике слов.

Т. П. Горбунова в своем сообщении рассказала об А. И. Смирницком как лексикографе. Словарная работа у А. И. Смирницкого вырастала на базе предшествовавшей исследовательской работы по сопоставлению системы русского языка с системой английского языка. На составление словаря А. И. Смирницкий смотрел как на серьезный научный труд. Главное при составлении двуязычного словаря — не искусство перевода слов и их сочетаний, а отражение в словаре того, что сближает языки и что является различным. Тем составителям словарей, которые ограничиваются только простым переводом слов, А. И. Смирницкий отказывал в правах авторства. Теоретической предпосылкой было здесь убеждение А. И. Смирницкого в том, что слова в языке не представляют собой случайного собрания фактов, а образуют определенную систему. Поэтому и словарь должен правильно отражать эту систему; слова аналогичных лексических групп должны получить в словаре аналогичное оформление.

По-новому оригинально разработаны А. И. Смирницким гнезда местоимений, союзов и предлогов. Особое внимание было уделено продуктивным префиксам русских глаголов и подаче их значений в словаре. Строго различал А. И. Смирницкий явления омонимии и полисемии, значение и употребление слова, наконец, слова и фразеологические единицы. Теоретической базой для этих выводов был курс А. И. Смирницкого, посвященный современному английскому языку. Специальное внимание было уделено подаче фразеологии в словаре. Все отклонения слова от обычной парадигмы были в словаре оговорены; фонетическому аспекту посвящено приложение к словарю — правила чтения английского текста, вследствие чего транскрипция в самом словаре приводится только для исключений. Для показа возможности связывать существительные и глаголы указываются падежи, с которыми они употребляются; в английской части специально отмечаются прилагательные, которые употребляют только в предикативной функции; специальной классификации подверглись артикли. Несмотря на сложность обработки словарного материала, в словаре нет ничего лишнего. А. И. Смирницкий считал, что словарь должен лингвистически воспитывать читателя, должен поднимать его до своего уровня. Система, принятая в словаре А. И. Смирницкого, оказала большое влияние и на другие двуязычные словари, выпускаемые Издательством национальных и иностранных словарей.

Л. Н. Натан рассказала об участии А. И. Смирницкого в разработке теории художественного перевода. Свои теоретические положения он подкреплял практическими опытами, свидетельством чему служит перевод нескольких песен «Саги о Фриг-офе». Осмыслив свои опыты и теоретические размышления о переводе, А. И. Смирницкий писал: «Приведенный разбор не оставляет сомнения, что творчество не есть область „чистого вдохновения“, его можно и должно анализировать и научно объяснять. Сам художник может и не понимать, почему у него получилось то или другое. Но к продукту его творчества нужно подходить с научным мерилем, чтобы посмотреть, каковы те скрытые основания, по которым он употребил тот или иной образ или слово в данном случае. Произведенный анализ может быть точно обоснован».

Этот вывод очень важен для развития стилистики. Становится ясным, что язык изучаемого произведения следует подвергать сплошному лингвистическому анализу, а не останавливаться только на разборе отдельных его особенностей.

В заключение отметим, что все выступавшие говорили о высоких достоинствах читавшихся А. И. Смирницким курсов. Лингвистическая секция Ученого совета единодушно решила предпринять издание трудов проф. А. И. Смирницкого.

А. А. Реформатский